Юра Тхагалег

ИСПОВЕДЬ ХУЛИГАНА

МОНОПЬЕСА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

Версия без цензуры 18+

Москва 2026

«Я нарочно иду не чесаным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравиться в потемках освещать.
Мне нравиться, когда каменья брани
Летят в меня, как град рыгающей грозы,
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.»
(*С. Есенин «Исповедь хулигана»*)

САРАТОВ

Меня Коля зовут. Фамилия моя – Баранов. Часто звали Бараном. «Баран». Не, Баран мне не нравится. «Баран» - меня в детстве заебывали. Потом еще и в школе. Толстый, очкарик, еще и «Баран». Я так стеснялся своей фамилии, пиздец. Я хотел, что бы у меня была фамилия как у всех... Я не знаю, «Симонов» или «Калинин», а у меня Баранов. Так то фамилия у меня... Еще в дохристианскую эпоху, во времена язычников, детям давали имена, связанные с животными. Так вот, «Баран» – это напористость, упрямство, мужское начало, солнечная сила и творческая энергия. Это сейчас я понимаю, что моя фамилия - пиздец, серьезная тема. А в детстве я все время ее стеснялся. Дети - они жестокие, сука. Когда ты чем то выделяешься - всегда нарываешься.

Короче, я из Саратова. Саратов – это треш!
Саратов воспитывает таких пацанов, которых, ну не знаю... Они все какие-то... Да даже девки, блять, из Саратова, они какие то... необыкновенно «особенные». Всех что то объединяет, все что-то... Но никто не дружит и никто не помогает друг дружке в ответственный момент. Это очень странно. Если где то пересекаются и говорят: « Ты из Саратова?», «Да, из Саратова!» - все, сразу снимается барьер какой то. Люди так же не здороваются, не общаются, не пиздят друг с дружкой, не шутят. Но что то их объединяет, короче.

Для меня Саратов – это криптонит. Я туда приезжал, и мне всегда казалось, что меня побьют, изобьют, отпиздохают. Кто-нибудь как свиснет: « Эй Баран!»... Оттуда, из той жизни, какой-то хер выйдет и начнет меня прессовать, а я не смогу ему ничего ответить. Хотя я смогу ответить! Сейчас я разъебу его, козла горбатого, так, что он ахуеет. И тогда бы разъебал, но это тот криптонит, который... Не знаю, как объяснить.

Ведь я и сам гонял как гопота по клубам, с «лохов» бабки вышибал. Ну с «лохов» - это я сейчас так выражаюсь, опять же, я под это не подкладываю «лохов» – как вот все привыкли «лохов». Я имею в виду - таких же ребят, как и мы, только из обеспеченных семей. Они были красиво одеты. У них были бабки. Их в эти клубы пускали, а нас нет. И вот, когда они выходили из клуба и шли провожать своих

девочек, мы их принимали, давали им пизды, забирали все что нам нужно, и все были довольны. Даже они. Потому что они от этих же самых девочек бонусы получали, от родителей бонусы. И мы тоже свое имели.

Жуть на самом деле. Я вообще не думал, что там можно нормально жить, никого не пиздив и самому не опиздохоться. Помню по детству, мать мне купила рубашку, в школу ходить. Ты эту рубашечку стараешься бережешь, а потом тебя цепляет хер какой-то, затаскивает в подъезд и говорит: «Бля, ща идешь и покупаешь два шприца нахуй», - и снимает с тебя рубашку. И вот пока ты ему два шприца не принесешь, рубашку ты не получаешь. У тебя нет вариков. Ты идешь и добываешь ему эти два шприца. По-любому. Ты плачешь перед продавщицей, блять... Че хочешь делай... И вот, весь твой день занят тем, что ты пытаешься вернуть свою рубашку обратно. Потому что тебе по-любасу нужно домой идти, а дома – мама с пиздюлями и вопросами: «Где рубашка?»
Вот таким образом, можно сказать, и воспитывалось проворство. Блять, проворный – всегда успешный.

Сука, порой задумываюсь, где найти сил, чтобы честно играть по правилам? Меня периодически накрывает, нахлобучивает. Ситуация и так, например, патовая, и я, блин, тоже начинаю вести себя патово. Начинаю идти на поводу у людей, которые выводят меня на агрессию, или блять еще что то... Мне потом так стыдно за это. Думаю: «Да блин, заткнуться надо было. Чё с вами ваще разговаривать?!» А я иду на конфликт, как дурак. Это все Саратов срабатывает. Ты идешь в отмах. Даже когда знаешь, что проиграешь, ты идешь в отмах. Это я все к чему? Надо проворнее быть!

В Саратове у меня было два варианта. Первое – это с гопотой тусить. Завести жену какую-нибудь Юлю из 9го «В». Жрать пельмешки. Квартира у меня была бы какая-нибудь. И вот я бы, такой Коля Баранов, тусовался бы там.

Моей маме позвонили из школы и сказали: «10й - 11й? Даже не думайте. Ему без вариантов точно. Ему никто не даст этого сделать. До свидания!»

Ну и вот, два варианта: либо школа милиции, либо на повара. В политех надо было бабок давать, а у нас с мамой денег... ну просто НЕ БЫЛО!

Помню, как мы бутылки собирали, сдавали, чтобы хоть какие-то макарошки купить пожрать.

Да и школа милиции с моими оценками тоже отлетала.

Так что понесли мои документы в «Лицей №42», кулинарный. Не ПТУ, не техникум, а проф-«Лицей №42». Там нужно было ходить только в галстуках. Тебя не пускали в лицей, если ты без галстука. Кулинарный лицей - в галстуках! Его Хазанов заканчивал между прочим. У нас там даже висел портрет, говорили, что это Хазанов. Какой-то дятел додумался, приклеил его фотографию. Если честно, нихуя там не Хазанов. Просто тип похожий в колпаке стоит, с поварёхой... Дай бог памяти, что же там было написано?.. Чет там: «Артистом можешь ты не быть, но накормить всегда обязан» Чет такое. Там переделанная известная штука какая-то. Блин, все это, конечно... Саратов, Саратов...

У меня брат был старший - Толя. Уехал раньше меня в Москву. Он писателем был. Писал какие-то рассказы, стихи. У него, кстати, достаточно прикольно получалось. Его пригласили учится в Литературный институт М.Горького. Он поехал, поучился. Потом у него чего-то не сложилось: то ли его отчислили, то ли он сам ушел - я не знаю. И как-то он попал в театр Пушкина, на работу осветителем.

Ну и вот, я подтянулся к нему, и он устроил меня монтировщиком. И я стал там работать, монтом. Монтировщиком сцены.

МОНТИРОВЩИК

Меня Коля зовут. Фамилия моя - Баранов. Я из Саратова приехал в Москву. Работать в Пушкинском театре - монтировщиком. Первое время жил у брата, а потом в этом же подъезде у бабки комнату снял. На Коломенской. Ну и, значит, работаю там, пропитываюсь этим театром... Ну, это что то невероятное! Что то... Для меня, человека, который еще вчера в Саратове на кортах семки грыз... Блять... С ума можно сойти.

Я бил половики на сцене. У меня пальцы на руках постоянно были гнойные, опухшие. Ну потому что я бил гвозди. Новичков всегда ставили на гвозди. Мы лупили гвозди... Ну,

половики. И вот ты херачишь этим молотком... Смазка эта от гвоздей... Целый день то раком, то на кортах... Сдохнуть проще, короче. И вот я из этого дерьма, стоя по шейку, все равно был счастлив, что я не в Саратове, где бьют за длинные волосы, где гопота, которая заебала просто. До тошноты прям.

Короче. Я помню, Сеня Бисеров, они тогда еще только закончили институт. Он в то время, актером в «Коте в сапогах» играл и только-только начинал ставить детские спектакли. Я у него работал этим... Он на мне свет ставил. А мне так хотелось. Мне чет так было интересно. Я как Форрест Гамп, блять, маленький. Они там в зале с художником по свету: «шу-шу-шу друг дружке на ухо», - и мне такие: «Коль, встань, пожалуйста, в эту точку, сюда. Ага. Встань туда. Ага. Угу...». И я такой чик – чик - чик, побежал, встал! Они, наверное, смеялись надо мной. Потому что это настолько глупо, наверное, выглядело. Пацан - монтировщик, «ставит» спектакль целый день, а потом остается до двенадцати ночи, что бы по нему ставили свет. Как же это тогда было смешно и наивно. Но мне нравилось. Нравилось мне это, короче. Ну и мысли, что не, не, не, главное, что я не в Саратове, главное, что я не в Саратове. Те условия, в которых я оказался и из которых я уехал, всегда подстегивали меня.

И вот, в один день... Это был просто пиздец. Как в кино. Бах! Идет она. Через всю сцену. Я никогда не видел настолько чистую, настолько красивую, настолько благородную... Ну, она как бог какой-то шла. Я помню, как она прям вычеканивала каблуками, и рубашка эта с воротником. А я – потный, грязный хер, в спецовке, с молотком. С пальцами с этими гнилыми. Залипший на нее стою... Она репетировала в спектакле у Фасильева. Я влюбляюсь, короче. И тут же осознание, что я не смогу к ней вот так вот подкатить, у меня шансов нет. Она училась в Школе студии МХАТ.

Ну,- думаю, - надо попасть к ней в институт, чтобы быть с ней на уровне». Чтобы она не смотрела на меня сверху вниз, а смотрела на меня как на равного. Чтобы у меня были все шансы, как и у тех ребят которые вокруг нее тусовали. Я же их видел. Там невероятные ребята ходили: модные, стильные, прикольные.»
И вот, из-за того, что я не знал, о существовании каких-то

там «десяток», что там 450 человек на одно место, что это безумно сложно, что это безумный стресс... Короче, для меня как для Саратовского пацана, это было: «Пху, да че там...» Я как-то отнесся к этому: «Да похую! Поступлю к ней, короче, и там-то уж у нее вариков не будет. Свое возьму».

В итоге, мое поступление началось не из-за того, что я свято верил с детства, еще в пупе матери, что я стану артистом... Хорош! Мне понравилась телка, меня повело за ней - и все! Я продумал план, как мне ее... не завалить, конечно. Когда такие чувства рождаются, ты здесь завоевываешь женщину. Ты надеешься, ты веришь, ты более серьезен к ней. Короче, очень сильно решил поступать. Я был на столько уверен в тот момент, что это почему-то так реально. На меня в театре как на идиота все смотрели. «Типо чувак здесь какой-то появился, чет в какую-то Школу-студию собрался. Баба, видите ли, ему какая-то понравилась». Говорили: «Бля, он ебанько какой-то», - ну и всякую такую дичь несли.

Я не помню, кто мне тогда сказал, что там, в Школе студии, бывают доборы и всякое такое. Типа: «Подойди к Гайкину и поговори с ним. Вот же он, тут спектакли играет». И я думаю: «Конечно, хули нет-то? Конечно!» Я был настолько уверенным в себе на тот момент... Короче, скручиваю я в один день кулису после спектакля «Косметика врача». И слышу Гайкина. Начинаю рассчитывать момент, когда он дойдет до гримерки и останется один. Как только это случается, я рву туда. Стучу в дверь и слышу его: «ДА». Никогда не забуду это: «ДА». И я такой чик-чик, вхожу и говорю: «Здрасти, Меня Коля Баранов зовут. Я из Саратова приехал, здесь работаю монтировщиком. Слышал, у вас бывают доборы, наборы. Хотел бы вот к вам на добор поступить». А он такой: «ЧТО?». Я думаю: «Да ебаный в рот, все заново что ли?» «Меня, – говорю, - Коля зовут. Я из Саратова приехал. Поступать хочу». А он: «Да понял я! 274 17 26. Позвони, договорись и я тебя послушаю. Все, иди». А я думаю: «Повторите, пожалуйста еще раз. Я же не запомнил. Я же тупой». В общем, он все повторил. Сказал выучить басню, прозу, стих.

И я стал это все готовить и учить. А самый прикол в том, что она в результате и помогала мне поступать. Я же к ней подкатил, и через что?

Я подошел и говорю: «Слышал, у вас бывают доборы на курс. Ты не могла бы мне помочь?» А она - студентка второго или третьего курса. Она такая: «Я? Помочь поступить? Тебе?». Она же видит, что я монт в театре. Ну конечно она отнеслась к этому как типа... Ну, пиздец. Она же видела, как я там за кулисами весь грязный с эти молотком – как тролль, как гоблин ходил там, что-то бродил. Естественно, я перед тем как к ней подойти, и приоделся, приумылся, побрился, подмылся – прическа, все дела. Она, конечно, скажем так, растерялась в тот момент от моей просьбы. Ну а хули... Там эти бедолаги, которые поступали, для них это – ну, пиздец, туда люди годами, веками пытаются попасть. Там истерики, крики, оры, плач, сопли, слюни! А я этого ничего не видел и не знал, по этому-то она, видимо, и немножечко прихуела, скажем так, от наивности моих намерений. Но вот эта вот актерско – режиссерская тема типа «вот я вся такая актриса, мне есть чему тебя научить» взяла над ней верх. Она согласилась и мы стали готовиться.

Наступает день икс. И вот, я помню, приехал пораньше. Стоял возле «Сатирикона». Весь продрог. И ближе к концу второго акта я отправил смску помощнице, что я уже на месте. Меня проводили внутрь, где в трансляцию было слышно как ему, Гайкину, хлопают. Я прошел в репетиционный зал, и после спектакля пришел он, Гайкин. По нему ваще ниче... Ощущение, что он не спектакль отыграл, а в очереди за сигаретами постоял и пришел. Сел такой: «Да, здравствуй, Коля. Давай». Я говорю: «С чего начать?» Меня же эта моя подготовила, блять. «Давай басню», - говорит.

И вот я стоял в зашоре и херачил ему. Нога трясется,сердце тысячу миллионов ударов в секунду долбит, а я ебашу. Чем громче, тем мне казалось талантливее. Жуть бля. Но самое угарное, что он меня слушает. Да, у меня дрожит нога, да, еще что то... Но у меня сходятся звезды и полная уверенность, что все нормально. Не знаю, какая-то надежда, что все нормально. Надежда - она спасает. Ее и нету, и в то же время она есть. Она кого-то убивает, а кого то спасает. Не знаю, как это объяснить. Непостижимая штука.

В итоге весь этот треш заканчивается. И он говорит: «Ты знаешь, я один не решаю, я не могу. Мне надо показать тебя кафедре. Будем надеется на положительный результат». А я

стою, машу головой и не понимаю. Что он за слова говорит? Для меня «кафедра» - это больница блядь, какая-то, что ли? Что-то на своем короче. Вот я машу головой, а в голове вот это слово – «положительно». Я его слушал, слушал и в какой то момент говорю: «Короче, скажите мне нормально, прямо, я вам, в смысле, понравился или че?». А он такой: «Да, да. Завтра жду тебя в Школе-студии, приходи!» Блять, к девяти утра... Все, пиздец, я на следующий день уже студентом был. А к вечеру меня в общагу заселили. Помню, как я в кабинет к Козаку зашел. Он тогда был директором Пушкинского театра. Говорю: «Роман Ефимыч, меня вот Гайкин взял к себе на курс». А он обнял меня, прижал к себе и говорит: «Благословляю тебя, Коля. Давай!». И вот я от него вышел, и помню ощущение счастья! Я помню ощущение счастья.

ОБЩАГА

Меня Коля зовут. Фамилия моя - Баранов. В меня никто не верил. Ваще никто. Пацанчик работал монтом. Чё-то с кем-то допизделся. Почитал, выучил... Сам, бля! И поступил к Гайкину. Точнее, он не мог меня вот так вот сразу взять на курс и я был у него как вольнослушатель. Но я жил в общаге. Мне дали общежитие. Я учился как полноценный студент, но вольнослушатель.

На тот момент у Гайкина уже пол года как отучился курс. За это время они, понятное дело, все сблизились. Щиповская, Магарыныч, Трилучный, Невремов. Общаются, смеются, обнимаются. Ну пол года! И тут какой-то хер пришел. Все пацаны напряглись, конечно же. Я бы тоже напрягся. А у Гайкина, если что, какие драчки, разборки, чуть что не так - сразу отчисляли, сразу до свидания.
Ну и короче, учусь я, тихонько вливаюсь в коллектив, живу в общаге, вольнослушаю. Мне нужно было дождаться лета и пройти эту банальную процедуру типа коллоквиума, сочинения, прочитать басню, прозу, стих – и тогда меня бы официально взяли на курс как полноценного студента.

Да я и до этого лета, если честно, учился очень круто – прям вот очень. Помню, однажды мне ректор сказал: «Это тебя взяли на добор? Ну, молодой человек... Такой шанс мало кому дается». Я взлетел на столько быстро и круто, что упал, блять, даже не заметив, как я упал. Как меня

выгнали оттуда нахер. И как я потерял это все.

Наступает это долбанное лето. Я пишу сочинение и возвращаюсь в общагу. Сидели с подругой, слушали песню Круга «Вот и все, это было вчера», и дразнили сторожа. Он там внизу, под окнами, в будке сидел. Мы в него кидались всякой всячиной. А там дядечка, бедолага старенький, он меня спалил, блин, проклял нахрен. И меня, походу, наказала вселенная, потому что буквально через час-полтора мне позвонили из Школы-студии, сказали, что в сочинении, которое я написал... Что у меня в нем 120 ошибок и что Гайкин в шоке, что я такой безграмотный, ужасный человек, и он не берет меня на курс.

Этим же вечером я провожал своего однокурсника, он должен был лететь домой в Забайкальск – Тима Щепкин. И вот мы с ним обнялись, и он мне говорит на ухо: «Ты знаешь, вот если бы со мной такое произошло, я бы задумался, что я что-то делаю не так». Пожал мне руку, сел в такси и уехал. Я еще какое-то время стоял и не понимал, что он, блять, имел в виду. В смысле – я что-то делаю не так?! Да, в пизду, думаю. И зашел обратно.

На следующий день я пошел в Школу-студию, чтобы как-то разобраться в этой ситуации, что-то как-то разрулить. И по дороге я узнал – мне пришло сообщение, что самолет, на котором летел Тима Щепкин, разбился.
Тима был лучший. Не от мира сего. Гайкин его очень любил, очень.

Я зашел в кабинет к Гайкину. Он сидел за красивым большим столом. Я на него смотрю, а он говорит: «Понимаешь, ситуация, конечно, сложная, я хочу вернуть тебя на курс, я хочу... Но сейчас вот это вот все случилось...» Я точно помню, что он мне это сказал. Я помню, как он это произнес. Для меня это просто пиздец как важно. Вот эти вот слова: «Хочу вернуть...». Напоминать себе, что он хотел меня вернуть. Я помню как он смеялся, как ему нравились мои этюды, я ему нравился.

Только вот я уже не стал потом почему-то ходить в Школу-студию, мне что-то не кайф было опять этим вольнослушателем, блять. Я знаю, что Бубенко Елена Павловна, меня уже не особо жаловала. Она педагогом у нас была. Я не знаю почему она меня невзлюбила. Я не знаю. А

может, мне это просто всегда казалось. Хрен его знает. Я уже и не помню. Мозгов-то не было тогда. Чё я - монтировщик Коля, блять. Отбитый.

Выгнали меня из Школы-студии. И вот я снова в Саратове. Рядом - Жека Дураев, которого выгнали из СПбГАТИ... Мы просыпаемся в Саратове у моей мамы на полу, и я понимаю, что в Москве у меня ниче нету, ва-абще. Все! Страшный сон. Я помню, как я Дурику сказал: «Давай, блять, вернемся?! Похуй. На вокзале будем спать, но мы вдвоем и нам не так будет страшно». Я звоню бабуле, у которой снимал квартиру на Коломенской, и говорю: «Здравствуйте, баб Нин, вы не сдаете квартиру?». А она: «Сдаю!» И все, я уже в Москве! Я опять монтировщик. У меня опять свой шкафчик конченный.

Вокруг ходят эти собаки, которые психологически меня кусают. Типа: «О, артист! Артист! Да, конечно артист! Ой, или ты уже больше не артист?!» И у меня внутри все: «УАААААА, да хорош! Хватит кусаться. Ну зачем же ты такой гондон?! Че ты такой злой? Че ты гнилой-то такой, блять?»

Я столько зла встречал за свою жизнь. Почему? Почему все мне делали больно? Кто то может сказать: «Да ладно. «Вот тебе делали больно»... Да ты же сам гондон!» Да, я гондон. Ок! Но я же тоже чувствую эту боль, сучью. Я может быть, чувствую ее так, как не чувствует ее не гондон. Каким надо быть, что бы угодить всем? Это кем, блять, надо быть, чтобы всем нравиться? Как быть хорошим, добрым и играть по правилам? Прикол в том, что всем не возможно понравиться. Да господи, Иисус не всем нравился. О чем я вообще? А тут какой-то Коля Баранов.

Так или иначе, я понял, что это мой второй шанс.

БАБУЛЯ

Меня Коля зовут. Фамилия моя - Баранов. Я из Саратова приехал в Москву. Работать монтировщиком в театре Пушкина. Снова. Снимал комнату у бабули, на Коломенской. А бабуля та - это просто... Короче, Коломенская, три высотки, самые ближние к парку. 13-й этаж. Сука, 13ое ебанное число, оно меня преследует... «Люблю его»

Короче, бабка. Метр, наверное, шестьдесят. Длинные седые

волосы до пояса. Большой нос. Страшный голос. Боже мой. Ночью приоткрывается медленно дверь в мою комнату, и появляется седая голова: «Спишь?». А я под одеялком: «Нет». Она: «Иди поешь, с работы же пришел». Я: «Я не буду, спасибо большое». Она: «Ну спи» И дверь медленно закрывается.

Или встанешь посреди ночи поссать, и вот ты проходишь сначала через зал, потом ее комната и только потом ванная – туалет. И вот иду мимо ее комнаты, выключен свет, полная темнота, огромное окно, 13й этаж, Коломенская, Москва где-то светит. Она стоит в белой какой-то ночнушке до пола, расчесывает свои длинные распущенные волосы, смотрит на меня и улыбается. Я на столько был испуган в этот момент, что я на всю комнату: «ЭХ НИХУЯ СЕ!». А она: «Чего ты ругаешься?»

Но самое страшное... Я не знаю, может, я себе это выдумал, но я верю, что это было. Она по квартире ходила вот так днем - шаркает ногами. А ночью... трата-та-та-та-та - барабанная дробь! Она перемещалась со скоростью света... Была в разных углах квартиры одновременно... Это было очень страшно. Это пиздец как было страшно. Но мне негде было жить, мне некуда было идти.

А еще страшное: я жил в комнате, ее умершего сына. Я потом на шкафу нашел... А он самоубийца. Я нашел с оградки то, что вешают - фотографии запасные. Я как ахуел когда это увидел. Я же боюсь этого всего. Потом в соседней квартире выбросилась телка из окна. У нее овчарка осталась, и она выла каждую ночь, там окна были открыты. Просто жесть.

К этой бабуле раз в неделю приезжал грузин какой-то: высокий, худой, лысый, с такими густыми бровями, большими глазищами... Просто какой-то... Он в Москву приезжал по своим делам каким-то и останавливался у нее. Видимо, платил ей какую-то денежку, и плюс он готовил еду. Он накрывал стол. И если я попадал под это, ну просто мммм... То были чахохбили и всякие грузинские яства... Это так было, блять вкусно! Чача там у него... И никаких лишних людей. Он где-то делал свои дела, приезжал вечером, бухал, ел - пил, ложился спать. Она все убирала, все делала и он уезжал. Все!

А еще вот какой был момент. Я приходил уставший с работы.

А монтировщик, это надо понимать – мучение работа. И вот я прихожу полумертвый, а она периодически в зале засыпала, на диване. Ну и мне, что бы попасть в свою комнату, нужно было пройти через нее. И вот я прохожу, бросаю в ее сторону взгляд, а она лежит с открытым ртом, и гробовая тишина. Очень странная тишина. Я подумал: «Померла что ли? Ебать... А если она и вправду сейчас померла?» Реально не дышит? Темнота, огромная квартира... И вот я стою, а в голове мысли, что я сейчас смотрю на покойника. Ну хер его знает, сколько она так лежит. Может, ей с утра стало плохо, и вот она померла, лежит.

У меня медленно начинается паника. Я не знаю, что мне делать. Звонить в скорую или ментам ментам? Сейчас они приедут, начнутся вопросы: кто я, что я здесь делаю, что с бабкой... Короче, пиздец. Я начинаю ухом медленно к ней тянуться, что бы услышать хоть что ни будь, хотя бы кряканье, блять, какое-нибудь. Мне страшно. И вот я тянусь... И она в какой-то момент: «Къхар-крахъра!» А я, блять, обосранный, но счастливый, что эта старая жива, бегу в свою комнату. Помолился - и спать. Вот так я жил полтора года.

А потом началось поступление в ГИТИС.

ГИТИС

Меня Коля зовут. Фамилия моя - Баранов. Я поступаю в ГИТИС. Я уже знаю, что за супер сила у меня есть. Гайкин во мне расковырял природой данные вещи. Он меня создал и... потерял. И я на всех этих делах попал к Вове Морозу. А Вова Мороз... Как сказать... Он не артист. Он гений - режиссер. Гайкин - он и гений артист, и гений режиссер. Ну, может, не гений режиссер, но гений артист. Я у Гайкина взял актерство, а Вову услышал как режиссера. И вот когда я поступал в ГИТИС, мне уже это все было очень легко. Я уже знал, че по чем, куда и как.

Вот я задумался: ведь во МХАТе, в Школе-студии, я не проебывался. Вот если по чести - я проебывался, но в свое свободное время. Когда же я работал, то отдавал себя на тысячу процентов. И теперь, я осознал, что нельзя расслабляться прилюдно. Нельзя думать, что все тебя любят. И что никто в тебя не ткнет... Ну, не нож в спину... Да,

блять, может, и нож... В этой жизни и не такое бывает... Это как в «Соловьиной ночи»: «Да ты еще не знаешь, что человек с человеком сделать может».

Я поступил в ГИТИС ваще без проблем, хотя нет, были и препятствия - я пишу с ошибками. У меня какая-то врожденная неграмотность. Причем у бабушки моей была врожденная грамотность. А у меня наоборот. Я очень боялся эти факины сочинения. В этот раз мне помогла моя подруга Аня, дай ей бог здоровья. Она у меня все проверила, все ништяк, я все переписал - и все равно, блять, были ошибки. Это каким надо быть дебилом... Это даже не дебилизм. Почему я сделал у Гайкина 120ть ошибок? Ведь там даже не в ошибках прикол. Там смысл был – я ведь о смысле думал, я же туда все сконцентрировал. А они даже им не прониклись. Как будто им на это ваще было насрать. Не дай бог для них, чтобы я стал великим. Смету их с лица земли. Мудаки.

Я писал про четвертую стену, мхатовскую. Про столкновение двух волн цунами. Нервы и переживание артистов, и внимание и хотение, что-то узнать, больше понять, прожить, прочувствовать инстинктом, зрителя. И когда эти две волны схлестываются, тогда и происходит действие. Это прекрасно! Я про это писал. А они смотрели на ошибки. Говнососы. Зная меня уже пол года... Гайкин этот тоже... Пошел он на хуй! Я счастлив, что я к нему не попал. Потерять меня... Из-за чего? Из-за «ЖИ, ШИ – пиши через И?»

В общем, в ГИТИС я поступал остервенело, быстро, жестко, жестоко. Я рвал и метал. Во мне была такая дурь и ярость! Я уже все понимал и ценил это все. Я на актерском факультете был N1, пока учился. И роли, и дипломники, и наблюдения. Весь ГИТИС мой тогда был. Кто делал два этюда, я делал двадцать. Кто говорил «завтра», я делал сегодня.

Я похудел на 25ть килограммов. Нам раздали отрывки. Мне дали «Женитьбу». И вот я вышел из душа в общаге и, стоя у зеркала в полотенце, смотрел на свое жирное тело. Смотрел на свои сиськи, пупок этот смешной, и мне было стыдно. Я подумал: « Нет, Качкарев не может быть таким толстым!» И все, запустил процесс. Просто мысль. И к концу семестра – минус 25 кг. Это что то потрясающее. У меня не было ни растяжек, ни проблем со здоровьем. Ничо! Я курил как слон, блять, я трахался, работал, играл на сцене, рвал-метал просто всех. Вот всех! Я был какой-то сатана. Антихрист.

Да, были подлые моменты, но они тоже были пиздец четкие. Единственное, что я ценил всегда и уважал – это дружба. Вот здесь я вообще не позволял себе моросить. Это единственное в моей жизни, чему я всегда был предан. Я стремился к этому и ценил это в людях. Мы как-то у общаги, на районе, пошли с местными на разборки, все дела, вот эти движения... Че-то мы помахались, потом заобщались и что-то как-то так задружились, что я до сих пор с ними на связи, и мы общаемся и дружим. Помню, одного из них забрали в армию. И вот мы с ним по громкой связи... Я говорю: «Как дела, братан?» А он мне оттуда: «Да все чинно, братан, служим, бухаем, служим, бухаем, шагаем, бухаем – так и живем, братан!» А в этот момент рядом со мной стояла его жена и все слышала. Я как-то пытался его оправдать, а она мне: «Да пофигу ваще! Пусть бухает, пока не приедет. А тут уже он у меня никуда не денется – я его опять закодирую».

Все-таки, какой бы ты не был хулиган, тебе нужна женская рука. И ведь дело не в сексе или чем-то таком. Вот я понял, что я повзрослел, когда до меня дошел текст Никулина в «Они сражались за Родину», когда он говорит: «Я уже и забыл, как у моей женщины подмышки пахнут».

В момент, когда я еще работал монтировщиком, и до момента поступления в ГИТИС, я познакомился с Дашкой. Я не помню, как тогда оказался в Черемушках. Ехал пьяненький откуда-то, она ехала с работы, тоже пьяненькая. Мы сидели друг напротив друга и улыбались друг дружке. Я пошел ее провожать, мы пообщались... И у меня, клянусь, было ощущение, что я влюбился по полной программе. И у нее ко мне... Я тогда к ней относился... Ну как может мужчина относиться к женщине, когда все по-настоящему. Она привнесла в мою жизнь, уют, порядок, комфорт... Ну вот все. Все, полностью. У меня мама только так делала. А я то сам так не жил. И тут она дала мне дом. Она дала мне все!

Она забеременела. Она родила мне сына. А я... не был рядом. Я жил в общаге. Я не знаю почему, и не могу ответить сейчас на этот вопрос, но когда мне позвонила Дашка с утра и сказала, что я теперь стал папой и у меня родился сын... Мой однокурсник, с которым я жил в комнате, видимо, услышал и все понял. Он начал приподниматься, что бы заорать и порадоваться, а я остановил его и сказал: «Тихо нахуй!» Отвернулся, накрылся и лежал. Я не понимаю, почему у меня была такая реакция. У меня не было ощущения

счастья. У меня не было ощущения счастья.

Так бывает, что самым удивительным и прекрасным созданиям, достаются самые конченые гондоны. И мы, гондоны, ломаем, портим, уничтожаем, уродуем. К сожалению, мы пользуемся какими-то вещами. Все мои девчонки, которые у меня были, они все были красивые, умные, талантливые, заботливые. Я как в ладошках у Бога существовал. И пользовался этим. Повторюсь, я пользовался. И намеренно пользовался. А потом шел к другой бабе и пользовался ею. Потом шел к другой, и к другой, и пользовался, и пользовался... И так до бесконечности. И я не слышал «нет!». Я, может быть, ждал этого «нет!». Но этого не было. По тому, что ей тоже было ништяк. Ты пришел, ты такой, какой ты есть. Ты в этот момент ее любишь. Ты с ней. Ты рядом. Ты ее, а она - твоя. И по этому она строила планы.. И каждая из них думала, что она - твоя жизнь, начинала представлять что-то там и строить у себя в голове какие-то планы... А ты берешь и уходишь. И у тебя другая жизнь. Новая девушка, и все опять по кругу. И ты не можешь слезть с этой иглы. Причем, я сейчас говорю «пользуешься» не про деньги или еду... Нет. Мне это нахуй не надо было. Я не про это. Я такое презираю. Ты пользуешься чисто ею.

Они отдают нам самое прекрасное, всю себя и даже чуточку больше, а в ответ получают - пиздец! Мы вообще, мужики, порою бываем такими мразями, что потом тысячелетиями в инстинктах женщин эта обида, она не оставит нас.

Я струсил в чем-то. Хотя я мог быть и с ними, и жить в Черемушках, и... Я не знаю, может быть, я себе это навыдумывал, и это было моим заблуждением, но мне казалось, что если бы я жил с Дашкой, я бы не смог стать артистом. Я боялся. Мне было страшно. Я очень боялся, что меня опять выгонят. А может быть, опять же, я себе все это навыдумывал и просто струсил. Я не знаю как это объяснить, не знаю. Но на тот момент мне было ближе то чувство свободы, тот кайф, которые исходили от института и общаги. Там я ощущал себя гораздо лучше. Накуриваться с пацанами, и вот эта вот вся туса на пятом этаже общаги. Ржать всю ночь. Не спать. Потом ехать в ГИТИС и пинать там хуи целый день. Ведь по сути, актерский факультет – это в принципе распиздяйство. Это режиссеры там лепят хуйню какую-то. А мы-то вообще, мы просто пустобрехи какие-то. Но для меня это все было так просто. Я ваще не замарачивался. Я

существовал чисто на таланте. Я покорял, я нравился, я получал признание. У меня были какие-то свершения. Меня окружали свои люди. У меня получалось, и я кайфовал. Я в театр-то попал, уже где-то курса с третьего или четвертого.

И все, что было за переделами этого мира, я об этом забывал и даже не думал. Да и когда я ездил к Дашке, меня и там любили. Я был вхож в семью. Потом снова возвращался в общагу, в ГИТИС, и опять пропадал там. Просто пиздец. Устроился как сыр в масле. Сука. Я на тот момент был просто эгоист. Просто эгоист.

Даша, она.. На самом деле, она от меня столько говна хапанула. Она в основном от меня только хапанула. И никогда ничего хорошего от меня не видела. Даже самые классные моменты в ее жизни – я обсирал. Мы как-то поехали на отдых в Турцию, а я вот эти вот моменты обсирал своим настроением, сука, раздражением... Блять.

Она была, есть и будет в моей жизни как ангел. Она святая. Она удивительная. И по отношению к ней мне бы жизни не хватило извиниться. И двух жизней...
Да и за что извиняться? Я помню собственную искренность и не искренность. И полностью отдаю себе отчет за все свои поступки, ублюдские и не ублюдские... Одно могу сказать точно - у всего есть свои последствия. У всего!

ЧАЙКА

(*Нина*)
«Да... он верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... А тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького... Я стала мелочною, ничтожною, играла бессмысленно... Я не знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом. Вы не понимаете этого состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я – чайка. Нет, не то...»

«Когда увидите Тригорина, то не говорите ему ничего... Я люблю его. Я люблю его даже сильнее, чем прежде... Сюжет для небольшого рассказа... Люблю, люблю страстно, до отчаяния люблю.»

«Вы один из миллиона, вам выпала на долю жизнь интересная, светлая, полная значения... Вы счастливы?..»

(*Тригорин*)
«Я? Вот вы говорите об известности, о счастье, о какой-то светлой, интересной жизни, а для меня все эти хорошие слова, простите, все равно что мармелад, которого я никогда не ем. Вы очень молоды и очень добры.»

« ... мне кажется, что это внимание знакомых, похвалы, восхищения – все это обман, меня обманывают, как больного, и я иногда боюсь, что вот-вот подкрадутся ко мне сзади, схватят и повезут, как Поприщина, в сумасшедший дом.»

«О, что за дикая жизнь! Вот я с вами, я волнуюсь, а между тем каждое мгновение помню, что меня ждет неоконченная повесть.»

«И так всегда, всегда, и нет мне покоя от самого себя, и я чувствую, что съедаю собственную жизнь...»

(*Нина*)
«Простите, я отказываюсь понимать вас. Вы просто избалованы успехом.»

(*Тригорин*)
«Каким успехом? Я никогда не нравился себе. Я не люблю себя как писателя.»

«...я умею писать только пейзаж, а во всем остальном я фальшив, и фальшив до мозга костей.»

«У меня нет своей воли... У меня никогда не было своей воли... Вялый, рыхлый, всегда покорный...»

«...а по бесхарактерности как-то ухитрился и тут и там.»

(*Треплев*)
«Был у нее ребенок. Ребенок умер. Тригорин разлюбил ее и вернулся к своим прежним привязанностям, как и следовало ожидать. Впрочем, он никогда не покидал прежних, а по бесхарактерности как-то ухитрился и тут и там. Насколько я мог понять из того, что мне известно, личная жизнь Нины не удалась совершенно.»

ПОТЕРЯ

Меня Коля зовут. Фамилия моя - Баранов. У меня закончилась репетиция, и я чухнул домой. Шмалянул, расслабился, такой - бляяя, лежу под одеялком, кайфую в телике, с ощущением, что мне больше никуда не надо... И тут звонок. Дашка мне звонит. И по ее набиранию воздуха, перед тем как она пытается что то сказать, я уже понимаю, что какой то пиздец произошел. Она кричит, что ей позвонили на работу и сказали, что из дома, из окна кто-то выпал... А у нас открыто окно на 13ом этаже. Она знала, что сын в это время был дома, и она не может до него дозвониться.

Мне как будто бы выстрелили в голову в тот момент. И я рву немедленно туда.

Три года назад у меня был отец, у меня был сын и родной старший брат. И за эти три года я их потерял. У меня умер отец, у меня умер сын, и у меня умер родной брат. БУМ, нахуй! «Touchdown, сука - Get down!» Вот это кино, блядь. И в этот момент я стал человеком, который, сука, осознал, сколько я проебал. Сколько моментов, сколько секунд, мгновений я проебал. Я проиграл. Все! Матч окончен. Выключился этот ебучий свет на стадионе, все разошлись, и я остался один там сидеть. Все! Вот это - ебанное все! Нету больше вариков в моей жизни, и что бы я, нахуй, не сделал - я уже ничего не верну. Все, нахуй. Все! Я не почувствую случайно запах волос, не услышу смех, не расскажу какую-нибудь пошлую хуйню, не приколюсь, не заступлюсь, не услышу голос, не согрею... Я когда увидел, как он лежит в футболочке и домашних трениках на холодном асфальте... Меня не пустили к нему.. Скорая и всякие там, держали меня. А я снял пальто и говорю: «Его накрыть нужно. Ему холодно». И протягиваю в его сторону пальто...

И вот Даша... Пытается согреть своим дыханием могилу. Как же ей больно. Она каждую секундочку, всю его жизнь была рядом с ним. Ни одной женщине не пожелаю то, что я увидел... Вот эти ее ладошки на могиле. Как она разговаривает с ним не видя земли, под которой он...
А ведь ей дали в руки прочитать, эти идиоты, заключение судмедэкспертов - что с ним было и как он умирал... А умирал он полчаса. Полчаса, ебаный в рот...

Я же мог поехать после репетиции к нему. И никакая кошка не полезла бы в окно, и не пришлось бы никого спасать... Он всегда стремился всех оберегать, спасать... Божью коровку в Турции в море спасал. Греб одной рукой... Захлебывался. Я стоял у креста на могилке, что-то говорил ему... Глаза поднимаю... Божья коровка по кресту ползет. Это звучит как... Но я аж обомлел просто. Он настолько любил жизнь. Учил китайский, любил маму, был вежлив всегда и со всеми. Он был чистейший.

С кошкой с этой... Больше не возможно. Ну, кошка эта... Ну, если она вышла в окно, ну дождись ты, она сама вернется, с ней ничего не будет. Но в нем вот этот инстинкт «спасти» - он в нем зашкаливал. Подвело его неокрепшее тельце... Мы-то по детству думаем: «Бля, ща я допрыгну», - а тело подводит. Тем более у него не было такого детства, как у меня например. Мы как-то уже с детства были как обезьяны. Лазали по крышам, по стройкам, на краны забирались, прыгали с тарзанок, делали шалаши. А у этих пиздюков этого нет. И они не виноваты в этом. Они виноваты лишь в том, что оказались в такое время, когда мы, что бы они заткнулись, даем им телефон, а не сажаем на велосипед и говорим: «Бля, пожалуйста, ежай нахуй от меня на двадцать минут. Катайся, блять!» Мы даем телефон: «Вот на, только ебало свое заткни». И вот они... Конечно, они тоже не виноваты. «Нихуя себе, мне дают телефон». Да у меня по пиздюковски Dandy раз в неделю была, я брал у друга, что бы посидеть всю ночь порубиться. Или на телике поймал канал и смотришь, как сосед рубится в Марио. Хуево видно, все шипит, но ты сидишь, смотришь, кайфуешь. А тут - на iPhone, и у тебя целый мир в руках. Ведь для маленького ребенка это такой эмоциональный разрыв, что просто пиздец. Мы раньше с ума сходили от того, что картинки по воздуху пересылали друг другу. Я не удивлюсь, если в скором будущем придумают что-то такое, что все наши, которые там, наверху... Ну и те, которые там, внизу, еще оттуда вернутся.

Дико мерзнут ноги. Холодно, блять. Рядом платформа, там Рома сидит в машине. Пока мы на отпевании, пусть сгоняет и купит мне носки. Нужна будет скорая помощь. А нахуй она мне в морге?! На кладбище всем будет самый пиздец. Вот туда пускай и езжает. Мать нужно держать. Свечи нужны. Так, что еще?

Бывают мгновенья в жизни, когда тебе очень страшно, что ты прям сгораешь. И вот в эти самые мгновенья ты и будешь истин. Ты будешь настоящ. Ты будешь неуязвим. Ты будешь соображать в секунду. В эти мгновенья дается какая-то удивительная сила. Что это за ресурсы? Откуда они? Что это такое? Я считаю, что это что-то высшее. Что это и есть помощь. Мы относимся к ней как к должному. «Это адреналин сработал. Он бежал, бежал, запрыгнул на третий этаж и спасся. Какой же он крутой». Да это не он крутой. Он, блять, всю свою жизнь был мудаком. Ему помогли. Нам сложно принять то, что нам реально помогают. Сложно это увидеть, осознать, поверить в это. Нам дали все, а мы ничего не добились. И кто мы после этого? Мудачье, которому можно доверить сына талантливого? Проебет! Жизнь, интересную, невероятную...

Я все время портил, гадил и уходил от этого. Я относился ко всему как к само собой разумеющемуся. Думал: «Еще успеется». Нам все кажется, что мы в черновичек все записываем, но, блять, чистовик уже давно начался.

А еще я заметил, что пап никто не жалеет на похоронах.

СОСТОЯНИЕ

Меня Коля зовут. Фамилия моя - Баранов. В восемь часов утра я собрался с силами и пошел за очередной порцией алкоголя. Состояние мое – пиздец. Ну а хули, я чисто убивал себя. День и ночь ебашил дешевейший коньяк. Я понимал, что единственный мой выход – это закончить свое существование. И вот я иду за бутылкой. Холодно, скользко. Мимо идут люди... Кто-то на работу... Кто-то не на работу... А мне до пизды. Я думал о том, что первый глоток не зайдет, блевону. А вот второй зайдет прям как надо. И вот иду, башку поворачиваю... И сидит что-то вот настолько... Такое, блять... Несчастье сидит на бордюре... Вот на столько, блять... Что даже я себя счастливым почувствовал. Собачка. Сидит плюшевая собачка. Он как-то так сидел на бордюрчике... Его кто-то так посадил, что он так сидит, у него головушка вниз... И вот он настолько... Печаль сидит. Моя... Я сижу.
И вот я мимо него прошел... Потому что все мысли о глоточке. Какие там собачки, нахуй. Мне главное въебать.

Дошел до магазина. Меня уже там все знали. Я туда в течении двадцати дней подряд ходил. И вот я взял этой желтой, разбавленной, дешевой коньячины. С дешевой крышкой, которая хуево открывается. И вот трясущимися руками я делаю первый глоток... Не идет... Блюю... Второй... Заебись! Пошла вода в хату! Прохожу обратно мимо пса, думаю: «Да епта...» Второй раз уже обращаю на него внимание. И решаю его сфоткать. Думаю: «Что за грусть сидит, тоска? Ну-ка сфоткаю, короче». Фоткаю и иду дальше.

Дохожу до дома... А у меня комната вся в шкаликах, в бутылках. И вот я снова запрокидываю коньяк, бухаю... Нет, не идет... Блюю... «Почему я делаю это не в ванной?»... Облевал все... Быстро в ванную... Параллельно со всем сажусь на унитаз... Пот, ебать... Давление шкалит, шкалит, шкалит... Сижу, нихуя не соображаю... Чувствую, как с меня все стекает... И кайфую с этого... Сижу и кайфую... «Вот, бля... Дааа»... Трусы натянул, шорты не натянул, похую... Ебнулся на кровать и думаю: «Вот теперь будет ништяк». Беру и делаю четыре таких знатных глотка коньяку... Прям сочных, сука... Как... Прям... «Мммммммнаааа» - таких прям... Тот кто бухает, поймет меня, нахуй. Когда аж в нос пробивает... Заглатываешь, прикуриваешь сигарету и сидишь... И вот здесь наступают, блять, десять секунд эйфории, за которые ты гробишь свою жизнь. Вот за это ты платишь, нахуй... Что бы тебя вернуло в то состояние ужаса... Тебе становится еще хуже... И ты радуешься тому, что уничтожаешь себя... Но в этот раз понимаю - мне неймется. Душа не на месте. Ну не могу, блять... «Ну бред же, Коля, бред. Ну просто игрушка какая-то... Но он там один...» Короче, собираюсь, блять, с горем пополам. Целый подвиг... Беру пакет с собой черный... Потому что вафлик-то грязный. Ну и вот: аптека, улица, фонарь... Народ ходит. И появляется тип... Ну, я. Мне кажется, что я не палюсь. А я пиздец как палюсь! На носу, блять, зима! Я в пальто, в шортах, блять, в каких-то тапках... Руки трясутся, пакет этот черный под мышкой. Подхожу к этому псу, прикуриваю сигарету, резко хватаю его и по съебкам, как будто, я не знаю... Инкассатор грабанул. Ну и короче, теперь он, постиранный и чистенький, сидит здесь, рядом со мной. Но только все равно чего то грустный... Чё ты грустный-то, блять? Ничего, нормально все будет. не ссы!

Я так думаю, что если я еще не погиб, а рядом со мной так много смертей... Если я, блять, не помер еще... Я не

думаю так: «Значит, ради чего-то я жив». Нет. Просто я пока, нахуй там не нужен. Я нужен здесь. Со своими неудачами, со своими пробиваниями, со своими тыканьями, безденежьем, нищебродством, несамореализованностью, блять. Ну, наверное, так надо. И я не жалуюсь. Не предъявляю никому ничего. Я сам. Я все сам! У меня свое сражение. Своя битва. Я не за белых, не за красных. У меня так вышло, что мне есть с кем сражаться. «Огромный монстр», который до конца моих дней будет биться со мной. И он не даст мне вдохнуть ни секунды. Даже подумать. Он будет хуярить меня до тех пор, пока я не упаду. Хотя он не испытывает ко мне зла. Это просто его задача - уничтожить меня. Как эта... Подруга была у меня одна. Она уничтожала меня и всё. А я не понимал: какого черта? Нахер ей это надо? А она уничтожает - и все. Ей кайф, когда мне хуево, а ей заебись. Я вскрывался, блять. А потом понял: она же актриса... Ей в любом случае нужна самореализация... Не на сцене, так за ее пределами. Я, кстати, из-за нее решил в Школу студию поступать... А оно вот как все получилось, собачка. Такие вот мы – люди... Что-то мучаемся, мучаем друг дружку. Да уж, и не говори...

Помню, как он мне позвонил... А я пьяный... И он говорит: «Пап, а я вот сейчас тобой не горжусь». Я такой сразу в штыки, говорю: «В смысле?». А он: «Ну, в смысле, я тобой не горжусь. Мама всегда плачет, а ты...» И я... Господи, как я сокрушаюсь. Блять, какой же я кретин вонючий. Я на него так наехал. Кричал: «Что?.. Чего? Я твой отец...» А он пытался еще и меня не обидеть: «Пап, это я не вообще тобой не горжусь, а в этой ситуации, что мама все время плачет...» И я слышу, как пацан пытается объяснить ситуацию, как он вступился за маму. А я ему: «Я твой отец...» Какой там отец? Я ваще не имею право такое говорить. Какой я ему отец, блять? Да, я к ним ездил, но я был даже не воскресный папа. Я был не существующий папа. Папа-приведение. Это Дашка держала эту связь, что папа есть, папа рядом... А я? Я только брал, брал, брал, брал... Я пользовался. Как какой-то самец... Тупорылый придурок. Я не дал ничего. А ведь надо было, просто, блять, быть любящим мужиком, любящим парнем. Любящим папой.

Я ему перезвонил, говорю: «Сынок, прости меня, родной. Прости. Сыночек, я все сделал. Я маме позвонил, все уладил, все сказал, все сделал. Развеселил, насмешил...»

Он говорит: «Люблю тебя». Он мне всегда говорил: «Люблю тебя».

И я тебя люблю, сынок.

Раньше я не мог поверить, что он у меня есть. А теперь я не могу поверить, что его у меня нет. В театре уважительная причина - это смерть. Вот она произошла. И что дальше? Я не знаю. Я не читал этого сценария. Не смотрел этот фильм до конца. И есть ли этот конец вообще?.. Это такая огромная вселенная с бесконечным разнообразием сюжетов. И мы в ней как звезды. Кто то светится ярче, кто то чуть меньше... Но регулируешь эту яркость, это тепло только ты сам. Ну и нельзя забывать о режиссере. Попытаться услышать его. Понять его. Потому что, судя по всему, он какой-то, ну уж очень крутой. И ему виднее, как оно должно быть.

В какой-то момент у меня появилась надежда. Мне захотелось света в конце тоннеля. Меня спасли. Мне помогли. Меня вытащили из этого дерьма. Меня отмыли. Меня подлечили.Меня поставили на ноги. Меня восстановили в театре. Мне вновь дали шанс. И вот, как бы это ни было банально, хочется сказать одну вещь: «Цените то, что есть!» Как только ты начинаешь ценить то, что у тебя уже есть - это тобой завоевано, сделано, выращено, вылюблено... Это тобой оберегается... И если ты это ценишь - это и есть то самое счастье. И как только ты это поймешь, это и будет тем самым вознаграждением, в котором ты найдешь и спокойствие и любовь.

Умейте быть!

Сергей Есенин
«Мне осталась одна забава»

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот – и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.

Стыдно мне, что я в бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые, далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

дар поэта – ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились -
Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, -

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.